

ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

СТЫД БЕЗ “ОКА ДРУГИХ” (ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕСОЦИАЛИЗИРОВАННОЙ КОНЦЕПЦИИ СТЫДА)

© 2017

А.В. Прокофьев

Прокофьев

Андрей

Вячеславович —

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Постоянный автор журнала.
E-mail: avprok2006@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ; проект № 16-03-50063.

¹ Контуры нормативного или ценностного содержания морали описаны в [5; 1].

Основной предмет данного исследования — стыд, центральная для морального опыта эмоция. Стыд принадлежит к той группе комплексных, культурно организованных переживаний, которые в психологии принято называть эмоциями самосознания, или эмоциями самооценки. Наряду с виной, смущением и некоторыми другими менее значимыми переживаниями он формирует в указанной группе ту ее часть, что связана с самоосуждением [9]. Психологические и социологические исследования стыда нацелены в первую очередь на выявление его специфических особенностей, а также роли в психической жизни индивида, межличностной коммуникации и процессе структурирования больших и малых сообществ. Однако как психологи, так и социологи не ограничиваются в отношении стыда решением сугубо дескриптивных задач. Они пытаются соотнести свойства этого переживания со свойствами других эмоций той же группы и вынести ему оценку на основе критериев общественной полезности и психологической адаптивности.

Этика следует по тому же пути, но использует для оценки стыда иную, более широкую основу. Переход к последней становится неизбежен, если стыд рассматривается не просто как одна из эмоций, а как одна из моральных санкций. Под моральными санкциями принято понимать болезненные переживания, порождаемые нарушающими требования поступками. Если нарушения влекут за собой интенсивные негативные переживания, то предвосхищение таких переживаний превращается в важный фактор, препятствующий морально предосудительному поведению. В качестве моральной санкции стыд подлежит оценке на основе его способности обеспечивать исполнение нравственных принципов или реализацию нравственных ценностей в деятельности индивидуально-ответственных субъектов¹. Именно этот методологический подход и будет реализован в статье.

Две концепции стыда

Выявление качественной специфики стыда имеет долгую и богатую историю в западной интеллектуальной традиции. И если придерживаться именно исторического принципа изложения, то наиболее ранние концепции связывали природу данного переживания со специфическим контекстом его возникновения. Контекст этот задан реальной или воображаемой осведомленностью другого человека о предосудительном поступке стыдящегося индивида или об унижительной ситуации, в которой тот оказался. Стыд порождается нарушением нормы, или отклонением от нормальности, попавшем в фокус внимания негодующего, насмешливого или презрительного лица — под “Око Других” в терминологии А. Хеллер [10]. Таково понимание стыда в наполненной великими философскими именами традиции, которая корнями уходит в этику Аристотеля. В современном знании о человеке это представление о сущности стыда остается востребованным. В культурной антропологии оно отмечено концепцией “культур вины” и “культур стыда” (от М. Мид [12] и Р. Бенедикт [2] до современных ее образцов), в социологии — введенной в широкий оборот Т. Шефом интерпретацией стыда как ответа на угрозу социальным связям [15], в социальной психологии — представлением П. Гилберта о том, что стыд есть важнейшая составляющая управления социальной привлекательностью [7].

С приведенной картиной стыда связаны серьезные этические претензии к данному переживанию. Она подталкивает теоретиков к тому, чтобы видеть в стыде элемент общераспространенного морального опыта, не отвечающий основным интенциям морали и потому не позволяющий реализовывать моральные ценности или, вернее, заставляющий реализовывать их так, что способы достижения цели подрывают саму цель. Ключевой аргумент против стыда состоит в том, что он не позволяет сохранить индивидуально-ответственный, или автономный, характер исполнения требований. “Око Других” вынуждает деятеля следовать нравственным требованиям из опасения потерять положительный имидж. Однако подобный способ их соблюдения не будет иметь нравственной ценности, поскольку выбор деятеля в этом случае определяется внешним по отношению к его воле фактором — вероятностью получения другими информации о его поступке. Антиподом стыда в данном отношении принято считать чувство вины. Оно не зависит от контекста и инициировано непосредственно уважением к нравственным требованиям. Если это действительно так, то стыд даже в самых своих рафинированных формах оказывается для морального опыта заведомо маргинальным переживанием, вина же выступает в качестве его центрального механизма².

Однако представленное выше (социализированное) понимание стыда не является единственно возможным. Отождествле-

А. Прокофьев
Стыд без
“Ока Других”

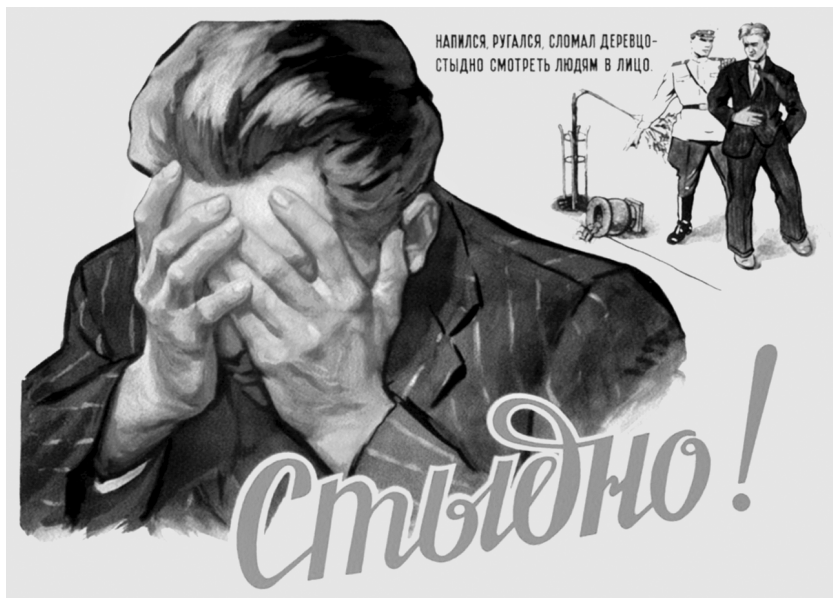
² Тезис о поверхностном и гетерономном характере стыда содержится у А. Гиббарда [6] и Б. Уильямса [19]. Уильямс считает его естественным проявлением нововорпейского представления о морали.

ЧЕЛОВЕКОЗНА- НИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Плакат советского
периода “Стыдно!”.
Авторы Н. Вележева,
Н. Кузовкин. 1958

ние стыда с реакцией на “Око Других” может восприниматься и в качестве ложной идентификации рассматриваемой эмоции. За этим тезисом не стоит столь длительная и мощная философская традиция, как в первом случае. Исторически возникнув в виде редких озарений или коротких замечаний, десоциализированное понимание стыда во второй половине XX века превращается в не менее влиятельную, чем интерпретация стыда посредством эмоциональной реакции на “Око Других”, теоретическую позицию. В неопрейдизме 1950-х годов были разграничены между собой две эмоции самооценки, не связанные в обязательном порядке с фигурой осведомленного о нарушении другого: вина как результат отклонения от системы норм, поддерживаемой авторитетом *Сверх-Я*, и стыд как результат отклонения от идеального представления о собственной личности, поддерживаемого авторитетом *Идеального Я* [см.: 13].

Развитием подхода к разграничению двух эмоций стала позиция Х.Б. Льюис. Согласно этой позиции, стыд является непосредственной реакцией на качество собственной личности, а вина реагирует на данное качество не прямо, а посредством сожалений о действиях, которые нарушают требования, предъявленные не к характеру человека, а к его поведению. Соответственно стыд представляет собой острое переживание того, что сама личность деятеля в целом оказалась личностью низкопробной, лишенной тех достоинств, которые признаны основанием для уважения. Открытое осознание или замаскированное признание указанного обстоятельства вполне возможны и вне связи с фигурой осведомленного другого [11].

Концепция Льюис опиралась на довольно широкий клинический опыт, однако его вряд ли можно считать полноценным

эмпирическим подтверждением выводов, относящихся к психологической норме. Демаркация центральных нравственных эмоций требует исследования широкого контингента испытуемых, в том числе не имеющих серьезных психических проблем. Решение такой задачи попыталась взять на себя Дж.П. Тэнгни. Исследовательница получила подтверждение связи стыда с оценкой личности, а вины с оценкой поступков, отталкиваясь от ответов респондентов на вопрос об обстоятельствах, которые могли бы предотвратить чувство вины и стыда в предложенных экспериментатором или приведенных самим испытуемым сценариях. В случае стыда типичным был ответ “Если бы я был другим”, в случае вины — “Если бы я действовал иначе” [16, р. 20–24]. Параллельно Тэнгни установила обстоятельство, прямо влияющее на оценку альтернативного (социализированного) понимания стыда. Проведенные ею опросы показали: стыд, не связанный с присутствием оценивающих или просто осведомленных о происходящем других (так называемый “одинокий стыд”), — явление очень распространенное и, более того, в опыте респондентов случаи “одинокого стыда” встречались с той же частотой, что и случаи “одиноким вины” [ibid., р. 17–18].

Заданное психоаналитической традицией и исследованиями Х.Б. Льюис и Дж.П. Тэнгни направление интерпретации стыда привело к появлению философских концепций, в которых социализированное понимание стыда ставится под вопрос. Так, находясь под влиянием неопрейдистов 1950-х годов, Дж. Ролз в своей фундаментальной “Теории справедливости” определяет моральный стыд как осознание человеком собственного несовершенства (отсутствия добродетелей), ведущего к потере самоуважения и чувства собственного достоинства (“умалению личности” и “разочарованию в себе”). Ключевой добродетелью, отсутствие которой вызывает стыд, Ролз считает самообладание, способность реализовывать центральные нравственные цели. Вина же ассоциируется у философа с нарушением требования или попранием чьего-либо права, откуда следует, что он не разграничивает эти два переживания по критерию *внешнее/внутреннее* [3].

Кульминационным пунктом в рамках философской рецепции психологических открытий стала не так давно вышедшая работа швейцарских исследователей Ж. Деонны, Р. Родоньо и Ф. Терони “В защиту стыда”. В ней обоснование необходимости разорвать дефинитивную связь стыда и “Ока Других” выступает в качестве основной задачи. Осмысление результатов, полученных психологами, и сугубо феноменологический анализ стыда приводят названных авторов к интерпретации этой эмоции через отношение деятеля к реализации главных для его идентичности ценностей. Стыд исследователи воспринимают как реакцию деятеля на то обстоятельство, что не какой-либо отдельный его (деятеля) поступок противоречит дан-

ным ценностям, а сама его личность не выражает их настолько, чтобы успешно воплощать на практике.

Стремясь отразить в своей теории стыда интенсивность негативных переживаний, что присущи данной эмоции, Деонна, Терони и Родоньо приходят к выводу о недостаточности этой характеристики. Суровость стыда связана, по их мнению, не просто с тем, что человек осознает свою неспособность практически реализовывать конститутивные для его личности ценности (такое осознание могло бы привести не к стыду, а к простому разочарованию в себе). Напротив, стыд возникает там, где деятель неспособен воплощать ценности даже в минимально приемлемой (пороговой) степени. Стыдящийся оказывается не просто далек от идеального образа самого себя, а опасно близок к противоположности своего идеала [4, p. 99–104].

Опасная и разрушительная эмоция

Не стану в данной работе специально касаться вопроса о том, насколько обоснованна десоциализированная концепция стыда, — вопрос этот требует отдельного исследования. Нынешняя задача состоит в другом. На основе десоциализированной концепции стыда формируется особый вариант его этической проблематизации. Если стыд не имеет отношения к “Оку Других”, если он определяется не контекстом переживаний, а структурными особенностями самооценки, то ему невозможно поставить в упрек гетерономный характер переживаний. Хотя и в указанном случае его способность быть эффективным средством реализации нравственных ценностей подпадает под сомнение. Поэтому далее в статье я постараюсь реконструировать основания этого сомнения и дать им оценку.

- Первая претензия к стыду связана с его мощным депрессогенным эффектом. Если, следуя за Х.Б. Льюис и Дж.П. Тэнгни, признать рассматриваемую эмоцию способом выражения негативной оценки собственной личности в целом, то связь отдельных случаев стыда и в особенности устойчивой предрасположенности к нему с депрессивными состояниями улавливается без каких-либо специальных усилий. Часть признаков, составляющих клиническую картину депрессии, непосредственно присутствует в описании стыда у Льюис и Тэнгни. Так, чувство никчемности и радикальное снижение самооценки включены в саму психическую механику стыда. Другие же признаки представлены не как прямое проявление стыда, а как его закономерное следствие. Умаление себя, происходящее в опыте стыдящегося, разрушает его способность получать удовлетворение от жизни и снижает интерес к ней. Предельной точкой становятся пассивность, безразличие или суицидальные тенденции. Отсутствие очевидных и доступных практических выходов из состояния, сформированного переживанием стыда

А. Прокофьев
Стыд без
“Ока Других”

*Дева сильная, Зевса
дочь, меня в смерть
позором гонит (из
трагедии Софокла
“Аякс” в переводе
Ф.Ф. Зелинского).
Самоубийство
Аякса. Этрусский
краснофигурный
кратер. Фрагмент.
400–350 годы
до н.э.*

(о причинах отмеченного положения речь пойдет ниже), приводит к такому симптому депрессии, как ощущение беспомощности³. Хотя в описаниях генезиса депрессии чаще используется понятие “вина”, чем “стыд”, Тэнгни полагает, что это лишь результат недифференцированного применения терминов. Если же отталкиваться не от терминов, а от развернутых описаний эмоционального фона депрессии, то становится очевидным, что тот сформирован не виной, а стыдом, или виной, но “нагруженной” стыдом [16, р. 117].

Аргумент от депрессогенности стыда очень важен для психологов, оценивающих психические явления в перспективе адаптивности. Но значит ли это, что этическая оценка стыда обязательно будет следовать за психологической? Разграничение адаптивности/неадаптивности эмоций складывается в психологии в связи со стремлением исследователей выявить те составляющие внутреннего опыта, что сопряжены с угрозой психическому выживанию индивидов, с их интенсивным и длительным страданием или существенным и устойчивым падением качества их жизни. Однако для этики благо самого деятеля, выраженное в гедонистических категориях или в категориях качества жизни, — не самостоятельная ценность. Статус высшего критерия оценки этика придает определенному качеству межлических отношений, достигаемому на основе свободного и ответственного выбора (имеются в виду отношения, характеризующиеся примиренностью, взаимной помо-

³ Используются некоторые характеристики депрессии из “Международной классификации болезней” (МКБ–10, 1990 год) и “Руководства по диагностике и статистике психических расстройств” (DSM–5, 2013 год).

стью и взаимной заботой). Поэтому отношение этики к психологическим трудностям и потерям стыдящегося не может быть заведомо негативным. Так как стыд выступает в качестве нравственной санкции, то эти трудности и потери могут быть вполне соразмерны тому ущербу, который человек наносит другим людям, или вполне оправданы в перспективе его духовно-практического совершенствования.

Но есть один аспект связи между стыдом и депрессией, который важен для сугубо моральной оценки данного переживания. Он заставляет воспринимать стыд как явление сомнительное независимо от вопроса о соразмерности страданий. Депрессия является тем состоянием, что ставит личность человека на грань полной дезинтеграции, а значит — на грань невозможности существовать в качестве способного принимать решения и нести ответственность деятеля. Если подобный эффект неизбежен или очень распространен, то стыд действительно превращается в негодное средство реализации нравственных ценностей.

- Вторая претензия к стыду связана с его негативным воздействием на эмпатические способности деятеля. В этом проявлении неадаптивность стыда изначально совпадает с его нравственной проблематичностью. Ведь эмпатия, или способность сопереживать эмоциональному состоянию другого, выступает в качестве общепризнанного фундамента неагрессивного, помогающего и заботливого поведения. Если стыд серьезно ослабляет силу эмпатии или прерывает сопереживание, то на его основе может сформироваться лишь тот тип личности, для которого совершение альтруистических поступков не будет связано с глубоким и искренним интересом к состоянию другого. Принципиальная возможность существования такого типа имеется, но его устойчивость и способность к систематическому исполнению нравственных требований сомнительны.

Предположительный механизм подавления эмпатии стыдом таков. Склонный к стыду или ситуативно переживающий стыд человек слишком глубоко погружен в себя, слишком сосредоточен на своем уমাляющемся Я, чтобы интересоваться тем, что чувствует другой. Болезненное переживание собственного несовершенства, невыносимое отвращение к себе самому придает боли и страданию окружающих призрачный характер. В случае с виной складывается противоположная картина. Внимание деятеля изначально сконцентрировано на нарушающем требовании поступке, а значит: а) на том, что делает этот поступок нарушением; б) на его следствиях. Страдание жертвы собственного действия или бездействия оказывается в обеих нишах. И что самое главное, порожденная чувством вины концентрация деятеля на причиненном другому страдании ведет не к личностному дистрессу (болезненному дискомфорту от столкновения со страданием другого), а к подлинному сопере-

живанию (принятию перспективы другого, превращению его страдания в их общее) [idid., p. 78–89].

• Третья претензия к стыду тесно связана со второй и касается практических следствий сопереживания. Если “заряженная” эмпатией вина влечет за собой публичное признание своей ответственности, стремление попросить у пострадавшего и его близких прощение, попытки устранить или смягчить последствия своих действий, то стыд, отсылающий нарушителя к его собственной личности, мешает реализовать любую из указанных линий поведения. С одной стороны, стыд просто не находит в них разрешения. Все эти нравственно положительные действия коренным образом не меняют личность деятеля, не делают ее лучше, во всяком случае не дают уверенности в улучшении, ведь вызвавший стыд поступок уже высветил моральное качество его совершившего. Адекватным ответом на глобальный характер негативной самооценки, выраженной в переживании стыда, была бы столь же глобальная трансформация личности, а она находится вне сферы досягаемости для любых точечных действий. Отсюда и вытекает чувство бессилия, игравшее центральную роль в формировании депрессогенного потенциала стыда. С другой стороны, любой контакт с пострадавшим (будь то в ходе покаяния извинения или устранение последствий своих действий) превращается для стыдящегося в дополнительный повод предъявления себя (который так плох) другому. Стыд порождает не движение навстречу другому, не общение с ним по поводу произошедшего, а бегство от него, желание скрыться и замкнуться в себе самом [ibid.].

• Следующая претензия касается прямой связи стыда с самыми вопиющими формами безнравственного поведения (агрессия и физическое насилие) и порождающими их эмоциями (гнев). По мнению Дж. Гиллигана, С. Ретцингер, Дж.П.Тэнгни, Т. Шеффа и других исследователей, стыд выступает как триггер для актов агрессии [8; 14; 17]. Причина заключается в том, что уже известное нам желание стыдящегося скрыться и замкнуться в себе в каких-то конкретных ситуациях сопровождается неизбежным продолжением взаимодействия с другими, а значит — сохранением болезненной открытости для них. Даже если стыд по своей сути не является реакцией на “Око Других”, он резко интенсифицируется в их присутствии, а это вызывает гнев, который может привести к агрессии (и в действительности часто приводит, поскольку стыд — та эмоция, что препятствует обсуждению и совместному разрешению конфликтов). Кроме того, переживание стыда настолько тяжело и безысходно, что постоянно провоцирует перенос осуждения на другого. Тот начинает восприниматься как заслуживающий наказания, а значит, превращается в “законный” объект для гнева и агрессии. Некоторые психологи считают упомянутую тенденцию основной, прямо ведущей к большому числу нарушений [8; 14],

другие — слабо выраженной [17, р. 378]⁴. Так, Тэнгни, хотя и подтверждает ее существование, но в качестве общей закономерности предлагает рассматривать лишь то, что стыд или предрасположенность к стыду, в отличие от вины и предрасположенности к вине, не имеют никакого тормозящего эффекта в отношении гнева и агрессии [ibid.].

• Еще одна претензия ставит стыд под вопрос именно как нравственную санкцию, то есть негативное переживание, обеспечивающее исполнение нарушенной нормы в будущем. Она, как и все предыдущие претензии, опирается на сравнение стыда с виной. Вина прямо ориентирует человека на будущие практические ситуации. Искупить вину можно не только раскаянием или компенсацией пострадавшим, но и правильными действиями во всех похожих случаях. Таким образом, для человека, склонного переживать в случае нарушения вину, а не стыд, на весах самооценки лежат прошлый проступок и будущее, уже скорректированное поведение. В подобном взвешивании нет ничего безысходного. Для восстановления положительного отношения к себе надо лишь раз за разом удерживаться от повторения трансгрессий. Человек, склонный реагировать на нарушения чувством стыда, напротив, сконцентрирован на своем прошлом. Он кладет на веса будущего правильное действие и уже проявившее себя низкое качество своей личности, осознавая, что те заведомо имеют разный вес. В будущее он мог бы войти только полностью обновленной, переродившейся личностью, но опыт целостного перерождения крайне редок и доступен далеко не каждому. Оценивая трансформационный потенциал стыда, Тэнгни замечает, что лишь люди с беспрецедентной силой духа и высочайшей цельностью личности могут претерпевать позитивные изменения на основе данной эмоции. Для большинства же те удары, что стыд наносит нашему Я, крайне опасны, предельно болезненны, но совершенно бесполезны [16, р. 126]. Поэтому негативная самооценка в форме стыда должна быть объявлена не просто неконструктивной, а лишеной нравственного смысла.

Сочетание перечисленных факторов порождает социально-инженерный проект искоренения или резкого уменьшения роли стыда. Как замечает Тэнгни, “наши жизни как отдельных индивидов, как социальных существ, как общества в целом могут стать лучше, если мы преобразуем болезненное, травматичное чувство стыда в более адаптивное чувство вины” [ibid.]. Основной компонент этого проекта — устраняющий стыд стиль воспитания детей в семье. Последний сочетает резкое ограничение числа негативных оценок, обращенных к личности ребенка, с настойчивым стремлением родителей сконцентрировать внимание детей на последствиях их действий для другого. В качестве дополнения к такому стилю воспитания выступает вытеснение стыда из образования и пенициарной системы.

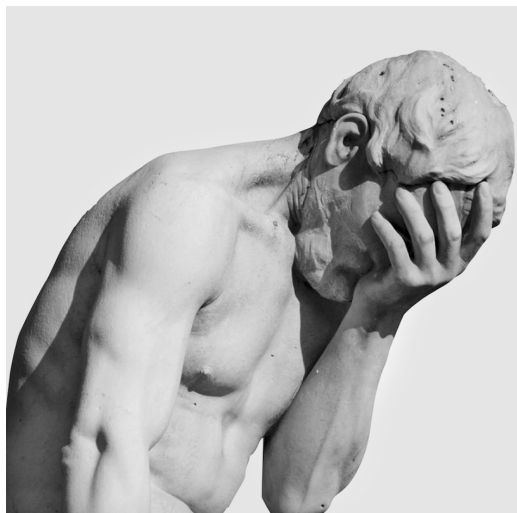
⁴ Следует учитывать при этом, что теории, рассматривающие стыд как ключевой источник гнева и агрессивности, сложно совмещают элементы его социализированной и де-социализированной интерпретаций.

Потенциальных ответов на обвинения, выдвинутые против стыда, довольно много, но они имеют разную силу. Например, перечисленные выше недостатки стыда можно интерпретировать как видимость, которая складывается в перспективе его социализированного понимания. Если доказать, что все претензии к стыду прямо или косвенно связаны с негативным воздействием “Ока Других”, а в действительности стыд лишен существенной связи с этим “Оком”, то такие претензии промахиваются мимо цели. Они затрагивают не стыд как таковой, а его отдельные формы или проявления. В данном случае критика социализированного понимания стыда автоматически превращается в защиту названного переживания не только от обвинения в гетерогенном характере, но от пяти других обвинений: в повышенной депрессогенности; торможении эмпатических реакций; блокировании действий, компенсирующих ущерб; инициировании гнева и агрессии; отсутствии трансформирующего личность эффекта.

Подобный ход мысли используется в качестве одной из стратегий реабилитации стыда в работе Ж. Деонны, Р. Родоньо и Ф. Терони [4, р. 58–66]. Однако его нельзя признать убедительным. Все пять перечисленных обвинений “вырастают” на основе подхода, который отказывается определять стыд через социальный контекст переживаний. Одно из них (обвинение в инициировании гнева и агрессии) действительно опирается на возникающую как вторичное явление зависимость между остротой переживания стыда и присутствием других людей. Остальные же обвинения имеют иной характер. Например, постулируемая психологами непродуктивность стыда для нравственного совершенствования совсем не связана с социальным контекстом. А в отношении депрессогенности, торможения эмпатии и блокирования действий, которые компенсируют нарушения, присутствие других людей играет роль не источника, а дополнительного, усугубляющего проблему обстоятельства.

Более удачна критика демонизации стыда, которая отталкивается от предположения о том, что пытающиеся дискредитировать стыд исследователи некорректно распределяют проблемные случаи между рубриками “стыд” и “вина”. Представление указанного аргумента целесообразно начать с ответа Дж.П. Тэнгни на вопрос, почему наличие у вины негативных сторон и последствий не превращает ее, подобно стыду, в бесперспективную моральную эмоцию. Негативный потенциал вины формируется, по мнению автора, следующими обстоятельствами:

- тенденцией вины соединяться со стыдом (именно это соединение порождает болезненную предрасположенность к переживанию вины);
- неспособностью конкретного деятеля в связи с его индивидуальной психологической спецификой выражать вину

Один из самых известных современных иконоических символов стыда — скульптура Анри Видаля «Каин». Париж, Тюильри, 1896

факт, что в случае стыда, так же как и в случае вины, ответственность за негативные последствия может лежать не на самой по себе эмоции, а на специфике индивидуальных свойств конкретного человека, который ее испытывает. Кроме того, Тэнгни а priori отбрасывает возможность существования деструктивной предрасположенности к переживанию стыда наряду с простой способностью к его переживанию. И наконец, исследовательница связывает предрасположенность к вине исключительно в ее совокупности со стыдом, а не с какими-либо иными факторами. Таким образом создается впечатление, что негативная оценка стыда у Тэнгни предрешена механическим помещением отрицательных явлений в рубрику «стыд», а положительных — в рубрику «вина». С точки зрения Деонны, Родоньо и Терони, избежать такого пристрастного механического подхода помогает параллельное независимое исследование предрасположенностей к вине и к стыду. Последняя возникает в тех случаях, когда индивид постоянно переживает иррациональный стыд, то есть стыд, привязанный к завышенным стандартам совершенства или возникающий по поводу неподдающихся трансформации свойств [4, р. 168–169]. Именно предрасположенность к стыду (а не стыд как таковой!) порождает ощущение безвыходности и замыкание в самом себе.

Другой существенный аргумент против отождествления со стыдом всего негативного в эмоциях самооценки связан с регулятивным и трансформационным потенциалами стыда и вины. Правильная теоретическая концептуализация стыда, полагают Деонна, Родоньо и Терони, может представить эту эмоцию в более благоприятном свете. Глобальное недовольство собственной личностью, признание себя негодным и достойным презрения, по их мнению, — не отличительное свойство стыда, а его крайнее проявление, обусловленное либо предрасположенностью к стыду, либо масштабностью вызывающего стыд

в практическом действии (определять способы практического искупления вины или совершать требующиеся для искупления усилия);

- склонностью конкретного деятеля испытывать вину по поводу независящих от него событий и негибкостью его представлений о способах искупления вины.

Так как перечисленные обстоятельства не связаны с природой вины, то Тэнгни считает их вполне преодолимыми [16, р. 122–124].

Другие авторы, Деонна, Родоньо и Терони, признают предпринятый Тэнгни анализ неполным и асимметричным. В нем не учитывается тот

нарушения. Многие случаи переживания данной эмоции не подпадают под это описание. Соответственно стыд может существовать и в тех формах, которые не порождают тупик в связи с глобальным характером оценки собственной личности. Конечно, перечисленные авторы соглашаются с тем, что стыд направлен именно на личность и выражает интенсивную негативную оценку самого себя. Однако в понимании исследователей стыд не тождественен *тотальному* отворачиванию к себе. Он вызван пониманием опасной близости *отдельных аспектов* личности к антиидеалу, а это означает, что внутри личности остаются “инстанции” и “плацдармы”, позволяющие осуществлять работу над собой [ibid., p. 176–179].

Наконец, важнейшим направлением апологии стыда является обоснование тезиса о том, что стыд дополняет вину. Деонна, Родоньо и Терони развернули данный тезис, опираясь на разграничение двух измерений моральных эмоций — их глубины и широты. Именно стыд, по их мнению, углубляет и расширяет самооценку. Глубина увеличивается потому, что вина преимущественно направлена на оценку поступков, которые выступают лишь симптомами моральных изъянов, а стыд обращен именно к характеру человека, к его способности быть той личностью, что воплощает нравственные ценности и на уровне поступков, и на уровне мотивов. Стыд сосредоточивает внимание деятеля на самых фундаментальных причинах его безнравственного поведения. Расширение самооценки связано с тем, что вина действует или, вернее, эффективна преимущественно там, где морально сомнительное поведение выявляется на основе применения более или менее очевидных норм, указывающих на должные и не должные поступки. Стыд в свою очередь ориентирован на свойства характера и, значит, без затруднений действует и в той сфере, где моральная правильность поведения определяется на основе применения довольно расплывчатых ценностных концептов и где, по словам А. Смита, мораль больше похожа не на математику, а на художественный вкус. Стыд оказывается негативным эмоциональным коррелятом той части морали, которая связана с понятием “добродетель”. Вина же входит в это пространство лишь в связи с существованием сугубо вспомогательных операционализаций добродетелей — их отображений в виде алгоритмов предпочтительного поведения [ibid., p. 184].

Представляется, что проекты вытеснения стыда из морального опыта следует рассматривать в более широком контексте, чем контекст простого *дополнения* вины стыдом. Оптимальным фоном оценки вины и стыда выступает идея о *взаимодополняемости* рассматриваемых моральных эмоций. Последняя становится очевидной, когда, функционируя в моральном опыте параллельно, отрицательные стороны вины и стыда “гасят” недостатки друг друга. О недостатках стыда уже говорилось в связи с его критикой в качестве опасной и разрушительной эмоции, как и о том, что именно вина блокирует опасные и разрушительные

эффекты стыда. А вот недостатки вины требуют специального обсуждения. Приведенный выше анализ Дж.П. Тэнгни не раскрывает их сколько-нибудь приемлемым образом. Фиксация Ж. Деонной, Р. Родоньо и Ф. Терони недостаточной глубины и широты самооценки, складывающейся на основе вины, видится существенным шагом вперед. Таким мог бы быть первый пункт в списке морально значимых недостатков вины. Но я бы дополнил этот список за счет, как минимум, двух негативных свойств:

- Вина связана с уже совершенным поступком, что превращает именно ее (а не стыд!) в переживание, которое привязывает человека к прошлому. Для стыда же поступок — лишь симптом состояния личности, и эта личность присутствует в настоящем в качестве объекта приложения усилий по самоизменению.

- Чувствующий вину имеет предрасположенность к отрицанию связи предосудительного деяния с негативными чертами своей личности. Под влиянием чувства вины индивид склонен рассматривать нарушение как случайный сбой или как присутствие в себе какого-то чуждого начала, иного Я, на время перехватывающего управление поступками [см.: 18].

Таким образом, вина не только заставляет деятеля концентрироваться на симптомах своей “моральной болезни” вместо ее причин, но и способствует отрицанию самого факта заболевания. Образ самого себя, возникающий вследствие разрыва связи между действием и личностью деятеля, оказывается искаженным, небеспристрастным. Он создает плохую основу для самосовершенствования. Стыд же способствует разоблачению этого самообмана.

* * *

Проведенный анализ попыток дискредитировать и реабилитировать стыд, предпринимаемых внутри десоциализированной интерпретации данной эмоции, позволяет сделать следующее заключение. Критика стыда как чувства, связанного с интенсивной негативной оценкой личности, высвечивает некоторые его вполне реальные недостатки. Однако последние не настолько существенны и неустранимы, как это полагают критики. В действительности имеются лишь негативные тенденции, которые создают тупиковую для воплощения нравственных ценностей ситуацию, когда стыд превращается в доминирующую эмоцию и выходит за пределы своих рациональных проявлений. Такие негативные тенденции устраняются как изнутри этого опыта (за счет придания стыду рационального характера), так и на основе внешнего противодействия эксцессам стыда, которое обеспечивается в том числе другой эмоцией самооценки — виной. Отсюда мог бы следовать вывод: хотя стыд и может быть “обезврежен”, но подобная работа оказывается неоправданной тратой сил. Ее следовало бы заменить деятельностью по искоренению или хотя бы минимизации стыда. Это привело бы к одобрению проекта Дж.П. Тэнгни, но на менее радикальных основаниях.

Однако дело в том, что главная альтернатива стыда — вина — также создает негативные тенденции и они не менее опасны, чем последствия стыда. Преодоление данных тенденций, как и в случае со стыдом, может осуществляться изнутри опыта переживания вины или на основе внешнего уравнивания указанной эмоции. Противовесом выступает именно стыд, который компенсирует недостатки вины. Соответственно социально-инженерный проект искоренения стыда следует заменить поиском таких воспитательных стратегий, которые уменьшают число иррациональных проявлений обеих эмоций, а также формируют человека, способного находить баланс вины и стыда применительно к конкретным ситуациям.

Литература

1. *Апресян П.Г.* Смысл морали // Мораль: Разнообразие понятий и смыслов: К 75-летию акад. А.А. Гусейнова. М.: Альфа-М, 2014. С. 41—45.
2. *Бенедикт П.* Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.: РОССПЭН, 2004.
3. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. С. 389—390.
4. *Deonna J.A., Rodogno R., Teroni F.* In Defense of Shame: the Faces of an Emotion. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2012.
5. *Gert B.* Morality: Its Nature and Justification. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2005. P. 159—275.
6. *Gibbard A.* Wise Choices, Apt Feelings: A Theory of Normative Judgment. N.Y.: Harvard Univ. Press, 1990. P. 297—298.
7. *Gilbert P.* The Evolution of Social Attractiveness and its Role in Shame, Humiliation, Guilt and Therapy // Brit. J. of Med. Psychol. 1997. Vol. 70, N 2. P. 113—147.
8. *Gilligan J.* Shame, Guilt, and Violence // Social Research. 2003. Vol. 70, N 4. P. 1149—1180.
9. *Haidt J.* The Moral Emotions // Handbook of Affective Sciences / ed. by R.J. Davidson, K.R. Scherer, H.H. Goldsmith. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. P. 859—860.
10. *Heller A.* The Power of Shame // Dialectical Anthropol. 1982. Vol. 6, N 3. P. 215—228.
11. *Lewis H.B.* Shame and Guilt in Neurosis. N.Y.: Intern. Univ. Press, 1971.
12. *Mead M.* Cooperation and Competition among Primitive Peoples. N.Y.: McGraw-Hill Book Co., 1937.
13. *Piers G.* Shame and Guilt: A Psychoanalytic Study // *Piers G., Singer M.B.* Shame and Guilt. N.Y.: Norton, 1953. P. 15—55.
14. *Scheff T., Retzinger S.* Emotions and Violence: Shame and Rage in Destructive Conflicts. Lincoln: iUniverse, 2001.
15. *Scheff T.J.* Shame in Self and Society // Symbolic Interaction. 2003. Vol. 26, N 2. P. 239—262.
16. *Tangney J.P., Dearing R.L.* Shame and Guilt. N.Y.: Guilford Press, 2002.
17. *Tangney J.P., Stuewig J.* Shame and Guilt in Antisocial and Risky Behaviors // The Self-Conscious Emotions: Theory and Research / ed. by J.L. Tracy, R.W. Robins, J.P. Tangney. N.Y.: Guilford Press, 2007. P. 371—388.
18. *Taylor G.* Pride, Shame, and Guilt: Emotions of Self-Assessment. Oxford: Clarendon Press, 1985. P. 89—92.
19. *Williams B.* Shame and Necessity. Berkeley: California Univ. Press, 1993. P. 98.